ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА МАНДЕЛЬШТАМУ В ВОРОНЕЖЕ

(отклики горожан)

Сентябре этого года в Воронеже появился памятник Осипу Мандельштаму. Теперь, проходя мимо парка «Орленок», можно встретиться с поэтом. Что эта встреча принесет воронежцам? Чувство стыда за безжалостный город, сделавший Мандельштама пленником? Чувство восторга от

нахлынувших строк поэта? Чувство вины за собственное невнимание к судьбе невольного соседа? Чувство гордости за возможность читать поэта по-русски, слушать и постигать музыку его слов? Сколько чувств... теперь возле неподвижного, но очень живого Мандельштама. Впрочем, кажется, он легко может подняться ввысь. Земное притяжение ему неведомо. Но хотелось бы, чтобы память о поэте удерживалась в Воронеже притяжением человеческих сердец.

Олег Чухонцев, поэт (Москва)

Наконец-то в Воронеже будет бронзовый Мандельштам!

И образ удался — Лазарь Гадаев увидел поэта в трагически-гротескном ракурсе, особенно понятного в своем изгойстве — и хорошо, что стоять он будет именно в Воронеже, городе, давшем ссыльному не только административную ксиву, но и сочувствующую среду, и молодых друзей. Здесь были написаны стихи последнего отчаяния и новой неслыханной гармонии: «Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...».

И вот — памятник. Радоваться бы, да какая-то горькая радость. Потому что из всей русской поэзии долг перед Мандельштамом самый большой и неоплатный. Потому что по раскрепошенной красоте и моши стихов, по страшной своей судьбе Мандельштама трудно с кем-либо сравнивать. Обожавший детскость, он самый, может быть, взрослый поэт XX века.

Объявленный старомодным, а под конец и косноязычным, архаист и новатор в одном лице, «отщепенец в народной семье» и бесправный зека, чья могила неизвестна, как у его любимого Вийона, что, интересно, сказал бы он сам, узрев запоздалую суету потомков вокруг своего имени? Пожал бы плечами? Не поверил бы собственным глазам? Или все-таки, как в разговоре с Яковом Рогинским в сквере возле памятника Алексею Кольцову, переспросил бы с наигранной театральностью, запрокинув по птичьи голову: «Как вы думаете, а будет ли поставлен когда-нибудь памятник мне в Воронеже?».

А действительно, неужели поставят/или?

Александр Кушнер, поэт (Санкт-Петербург)

Меньше всего думал о памятнике, никогда на него не рассчитывал, никогда ни к какому памятнику не примеривался. А уж в Воронеже, городе своей ссылки, унижения и отчаяния, — тем более. Можно представить, как он был бы удивлен, если бы разверзлась толша времени — и где-нибудь в 1935-м, 6-м, 7-м году ему показали бы это сегодняшнее событие, это рукотворное, вешественное свидетельство его поэтического бессмертия.

Памятник Мандельштаму в Воронеже — такое же чудо, как воскрешение Лазаря или хождение по водам. Такое же чудо, как его стихи, написанные здесь.

О, если б и меня когда-нибудь могло Заставить, сон и смерть минуя, Стрекало воздуха и летнее тепло Услышать ось земную, ось земную.

Как видим, это ему удалось: поэзия и впрямь минует сон и смерть, в обход их приникает к самым глубоким, последним тайнам жизни — и оказывается, что они чрезвычайно просты: это правда и справедливость — в полном соответствии с нашим сердечным знанием. Хочу высказать самую сердечную благодарность людям, задумавшим и осуществившим этот замечательный проект — памятник Мандельштаму в Воронеже.

Анатолий Абдулаев, народный артист России

Воронежский памятник Осипу Мандельштаму создан великим скульптором Лазарем Гадаевым, к сожалению, уже ушедшим от нас, так рано и неожиданно. Гадаеву удалось своим творением преодолеть односторонность скульптурной традиции в городе и поправить эстетические вкусы наших горожан.

Осипа Мандельштама Гадаев представил нам убитым ребенком, трогательным и незащищенным перед земными унижениями.

И при этом это — образ поэта, живущего ощущением своей близости к космосу.

За трепетностью и ранимостью Мандельштама легко ошущается внутренняя твердость. В нем есть стержень, который невозможно сломать, в нем есть достоинство и самоуважение.

Установка памятника стала настоящим событием для города. Оно взволновало и расшевелило людей, заставило поверить в свои силы и возможности тех, кто еще недавно считал, что появление Мандельштама в Воронеже — утопия.

Зиновий Анчиполовский, театральный и литературный критик, профессор

Памятник Мандельштаму в Воронеже — это чудо. Иначе я не могу его воспринимать. До самых последних дней я был убежден: что-нибудь да обязательно помешает. То разговор о трех бабушках, лишившихся скамейки в Детском парке... То выступление газеты, пугающей энтузиастов-устроителей...

Но нет. На сей раз неудачник Мандельштам оказался удивительным счастливчиком. И памятник поставили день в день. И люди, собравшиеся на торжество, искренне радовались. Будто каждый из них возвращал малую толику долга страдальшу-поэту. Поэту (наряду с другими почитаемыми и любимыми), превратившему Воронеж в город большой литературной судьбы.

Вячеслав Битюцкий, председатель «Воронежского мемориала»

Памятник Осипу Мандельштаму, где и когда бы он ни был установлен, это — памятник не только поэту. В глазах каждого сколько-нибудь культурного человека это — памятник эпохе советского тоталитаризма.

Памятников жертвам коммунистического террора сейчас уже много. И все они создаются как памятники множеству трагически погибших людей, людской массе. Отражение «массовидности» террора (красивое ленинское словцо, не правда ли?) — непременный атрибут подобных монументов.

«Соловецкий камень» на Лубянской плошади — безмолвное надгробье над прахом всех, канувших в лагерях ГУЛАГа бескрайней России.

Памятник, выполненный Эрнстом Неизвестным в Магадане, носит в себе ту же идею множественности жертв террора: безмолвная горестная «Маска скорби», скорби по всем.

В бесчисленных памятных колоннах, стелах, камнях-валунах, плитах и мраморных стенах с надписями, сводящимися по существу к одному: ахматовскому «хотелось бы всех поименно назвать, да отняли список и негде узнать», во всех них мысль все та же: напоминание о трагедии массового террора.

Но вот стоит перед нами фигура одинокого узкоплечего человека, нишего полубродяги, почти юноши с запрокинутой головой, отрешенно смотрящего куда-то в небо, ушедшего в себя, молитвенно прижавшего правую руку к груди, будто декламирующего что-то, не размыкая уст. Рядом на граните надпись: «Осип Мандельштам. 1891—1938».

Может быть, скульптору и хотелось запечатлеть просто поэта, отшельника и бродягу, человека не от мира сего, отрешенного от земли и от всего на ней происходяшего, но надпись на красном граните разрушает подобный образ. И, прочитав ее, становится неважным само изображение. Потому что слишком известна жизнь и судьба этого удивительного человека, чтобы можно было заслонить ее тем или иным художественным изображением. Памятник Мандельштаму есть. И это главное.

А потому ничего иного, кроме глубокого удовлетворения, установка этого памятника вызвать не может.

Не станем спорить, было в живом поэте, наверное, и то, что отразилось в металле. Но было и много больше этого.

Не сентиментальный мечтатель, не замечающий окружающего, а человек, взращенный культурой, питающийся соками жизненной правды и жизненного естества, человек непосредственного восприятия, он был органически чужд опосредованному восприятию мира через мутные стекла коммунистической идеологии. А потому, как бы он иногда и ни пытался «вмонтировать» себя в советскую действительность, сделать этого он органически не мог. И потому эта действительность должна была его поглотить.

Много ли нам досталось в литературе правды о том, чем жил творческий человек в счастливые времена беспробудного террора?

И вместо ключа Иппокрены Давнишнего страха струя Ворвется в халтурные стены Московского злого жилья.

Это мог написать только очень честный и смелый человек.

Сосуществование человека культуры с веком-волкодавом в полной мере отразилось в жизни и творчестве Мандельштама, и потому памятник Мандельштаму не может не быть памятником им обоим.

В этом сосуществовании, несмотря на всю предсказуемость его конца, Осип Мандельштам, вовсе не выглядит жалкой овечкой, и, как показало время, победа оказалась за этим с виду несильным человеком. Культура живого человека оказалась сильнее тоталитарного дикарства. И установка памятника Мандельштаму — еще одно тому подтверждение.

Нет, не только «массовидностью» страшен и отвратителен террор. И не только об этой его стороне мы должны помнить. Но и о том, что он стремиться убить в человеке творца, человека культуры. А когда это ему не удается, он убивает его плоть.

Алла Ботникова, профессор филологии

Закономерно и нормально, что в Воронеже появился памятник Осипу Мандельштаму — одному из величайших русских поэтов прошедшего столетия. К тому же его судьба непосредственно связана с нашим городом. Хотя Воронеж и оказался для Мандельштама «насильственной землей», здесь созданы замечательные стихи, прославившие поэта не меньше, чем в свое время книга «Tristia» прославила Овидия, тоже сосланного в далекие от Рима Томы. Каждый, кто знает и любит стихи поэта, неизбежно помнит и о Воронеже.

Дань памяти создателю «Воронежских тетрадей» — свидетельство культурного уровня и городской общественности, и городских властей.

Отрадно и то, что новый памятник не похож на тех старомодных позолоченных истуканов, что с недавнего времени стали во множестве появляться в разных российских городах. Воронеж — не исключение. Работа Л. Гадаева, напротив, — произведение Мастера, который знает и чувствует поэта. Закинутая голова и прижатые к телу руки

одновременно выражают порыв и стесненность; тоску по «всечеловеческим, сияющим в Тоскане» холмам — символу мировой культуры, устремленность ввысь и — одновременно — «связанный и пригвожденный стон».

«Я около Кольцова / Как сокол закольцован», — писал поэт. Памятник напоминает не только о его созданиях, но и о его судьбе.

Антон Калашников, студент ВГУ

Письмо Осипу Мандельштаму, поэту и памятнику

Заравствуйте, Осип! Я на скамье перед вами, напротив: за тенями прохожих, вскользь, я живу с четверть часа здесь, смотря на вас, припоминаю, вы были, и в обшем-то есть — акмеист. Акмэ — это вершина согласно мертвой латыни. И расчетливы старались быть вы, выбрав методистский обряд для начальной религии, от полюсов хотя поровну — зелено-молодо (вырвалось, не в праве упрека). К слову, чем дальше в Европу, острее тем шпили колоколен, колюших небо (как бы), архитектурно-стихотворенно... Вернемся ж на родину? Здесь мой взгляд вскарабкался вверх, на вершину. Ваш нос, поставленный в небо, как ракеты игла — в космос взмыть пытающейся, но поскольку под ней — страна, как морская волна: зыбит, рассыпаясь, не чуется чувствами — не оттолкнуться вверх... Вы оплетены тротуарами, утеплены бронзой. Вязь горизонтальных полос парка — ваш архитектурный тормоз, для вас как ракеты (или кометы) – есть приземление, освоение пространства с разреженным воздухом — но лучше, чем вовсе без воздуха, право! В разреженности есть смертельность космоса, бросьте его — и не разбавляйте!.. Задохнуться и здесь, прильнувши к земле под деревьями, просто, для вас слишком даже, значит, не надо. Вы были философ интеллигентских сложностей, семейству косноязычных противоположены, и умирать не впервой вам было при жизни, жив дальше, бежав от кого-то к кому-то, вы стали и так и остались стоять — на ненавистном вам тротуаре... Поперек, обезвожены. Мы не встречаемся, Осип! И не расстаемся. Мы (пафосно так!) ждем осень.

Вы бронзово-хрупки, Осип! Ладонь на груди. Лицо запрокинув. Прямы, как тростник, камыш, осока... А на губах — полынь, поэт — чин чином. Губы приоткрыты, грубы, бронзовы. Губы тихи, и припудрены мертвым, сырым воздухом. Листва высоких деревьев в парке шепчется, сверху, прибитая купоросом. Сыры тротуары, влага в рукавах. А вы не пьете сырую воду, да? Вода нынче сыра!.. Здесь — прямой тротуар, а дом все в овраге, в овраг — и вода, но в обшем: все — не пожизненно, а так — лет на пять — пункт пересыльный, коих — череда, все к чертям! Изменчивость мнимых султанов, главных — вы знали о мимолетности планов на завтра и планов на век невозможности, надежда на Бога, а сила в руках, судьбы трафарет и ножницы, и всякого хлама — тьма... Время освободить руки — собрать чтобы камни в них! И бронзовость пальшев не жаль растереть о нетесанность дотла. Вдохнуть камень в горло, сжать рукоять, оставить окно за спиной. Осип, парализовано сердце (не камень) согласно официальным данным, и многое пройдено... Но лучшее — впереди и вверху, верно, там, куда смотрите вы, но как сложно теперь сделать шаг! И стоит ли?

Осип, Марина мертва. Так мало стихотворений любви, такая большая страна — любви — с гулькин нос! Мертва не одна она. И жена. И брат. Дотла! В земле, как в каютах корабля. На этом корабле есть место... Но пока — живые стихи на суше носят на руках и в губах, про себя, до сих пор, на свой страх, жизнь балансирует на созвучиях, на карандашных курсах и пространственных картах, на криках «Земля!» Земля не длинна, она просто — кругла. Жизнь на кругах своих. Тела — по могилам. Поэт после смерти — есть ли? Есть — памятник, как ни крути — хэндмэйд. Запрокинута голова... Мачта... Комета-ракета летела, махнула хвостиком!.. Осип, мы дождались: вот и осень: пришла, блудная — запахните пиджак на всякий пожарный, чтоб не продуло с ней, вы знаете — с вашим здоровьем — и в парки ночью — придумают же!.. Что ж. До свидания, Осип, и не забудьте: перед сном — молитва и стакан ртути (шутка, не обессудьте), и — будемте!.. Вы, Осип, мачтой над зыбью, с парусом, над каютами... «На этом корабле есть место для меня», из позднего вашего, помните?.. Уж ночь — и так поздно, так — до свидания, Осип!

Олег Ласунский, член Союза российских писателей, председатель Воронежского историко-культурного общества

Имя О. Э. Мандельштама всегда вызывало в нашем городе неоднозначную реакцию. В середине 1960-х годов оно едва прорвалось в печать, чтобы затем быть надолго замолчанным; даже в начале горбачевской перестройки оно вымарывалось цензурой из книжных версток. Менялись эпохи — менялось и отношение чиновников к личности и наследию О. Э. Мандельштама. В 1991 году удалось решить вопрос о мемориальной доске: официальное разрешение на ее установку было, хоть и не без усилий, получено; правда, финансовые средства на изготовление доски пришлось добывать самим инициаторам проекта.

Что касается открытого 2 сентября 2008 года памятника О. Э. Мандельштаму, то следует признать: предложение о его установке было на редкость доброжелательно встречено городской администрацией. В отличие от Москвы, где бюрократическая волокита затормозила открытие давно готового памятника, в Воронеже все необходимые межведомственные согласования прошли быстро и без каких-либо серьезных помех. Стало быть, в сознании представителей властных структур произошли положительные сдвиги, чего, к сожалению, не скажешь о некоторых воронежских обывателях. Горько и смешно об этом говорить: судьба какого-то нелепого торгового павильона, очутившегося Бог весть каким образом на территории детского парка, оказалась для обитателей соседних кварталов дороже, чем память о мученически погибшем поэте. Как ни странно, эту малопристойную шумиху подогревала своими выступлениями часть местных СМИ. Трудно понять, чего здесь было больше — неспособности постичь сушность совершающегося в городе события или желания просто устроить маленький пиар-скандальчик! Выяснилось, что в Воронеже есть люди, которым жилось бы намного спокойнее, если бы в парке «Орленок» не было мандельштамовского изваяния.

Но вот бронзовый Осип занял свое место и сразу стал обшегородской достопримечательностью. Произошла победа здравого смысла над темными инстинктами. Разумеется, работа московского мэтра вряд ли могла тотчас же всем подряд понравиться: она так неординарна, так непохожа на те скульптурные изображения, которые уже имеются в Воронеже! Однако истинными любителями изяшной словесности создание Л. Т. Гадаева безоговорочно принято. Думаю, его второе рождение еще впереди. Дело в том, что горожанам нужно время, чтобы привыкнуть к новому произведению, чтобы первоначальное негативное ошушение, если оно было, постепенно переросло в свою противоположность. Так, по крайней мере, произошло с восприятием памятников И. А. Бунину и А. П. Платонову.

Мне кажется, эта монументальная триада — отлитые в металле И. А. Бунин, А. П. Платонов и О. Э. Мандельштам — делает наш город весьма привлекательным для литературных путешественников, которые будут разносить по всему свету славу о «культурной столице Черноземья». Да и в душе самих воронежцев, во всяком случае большинства из них, эти памятники намного повышают градус земляческой гордости за родной край.

Полагаю, что уголок парка с необыкновенно выразительной, подчеркнуто трагической фигурой Осипа Мандельштама никогда не будет безлюдным. Уже сейчас там собирается молодежь, шелкают затворы фотоаппаратов, а к ногам опального прежде сочинителя ложатся благодарственные цветы. Здесь предполагается ежегодно проводить творческие турниры, зреет идея организовать поблизости мемориальный музей-квартиру поэта. Не будем забывать и о том, что плошадка с изваянием страдальца О. Э. Мандельштама может и должна стать священным местом поминовения всех жертв сталинских репрессий.

Возврашение Осипа Мандельштама в Воронеж — факт, значение которого невозможно переоценить. Для образованной публики оно — еще одно подтверждение того, что нет в мире ничего долговечнее, нежели творения человеческого духа. Для людей, довольствующихся сонной и сытой жизнью, — повод поразмышлять о смысле и превратностях бытия. Как бы то ни было, открытие памятника О. Э. Мандельштаму — хороший допинг для стимулирования гражданских страстей, что всегда лучше общественного застоя.

Татьяна Малеева, студентка ВГУ

Вот такой Мандельштам

Спокойствие есть душевная подлость. Л. Н. Толстой

— Как вы думаете, а будет ли поставлен когда-нибудь памятник мне в Воронеже? – спросил Осип Мандельштам москвича Рогинского, командированного читать лекции в ВГУ летом 1935 года. Тот растерялся и сменил тему.

Памятник поставили через 70 лет после смерти «опального поэта». Памятник, на мой взгляд, удачный, потому что он не безликий и не помпезный. Он дает представление, образ Мандельштама (в отличие, например, от ничего не выражающих бюстов Есенина и Пушкина). Образ биографически и психологически точный. Именно так Мандельштам вскидывал голову, закрывал глаза, замирал и начинал читать стихи. Мгновение перед чудом, и в это мгновение он напоминает ребенка, ожидающего новогодний подарок. Есть что-то детское во всей его внешности, в этом мгновении, в его характере. Вечно неустроенный, непосредственный, порой капризный, он до умопомрачения любил пирожные, спускал на них все деньги, а в лагере менял еду и махорку на кусковой сахар. Вот такой Мандельштам, путаный, нелепый, кажется, что на нем пиджак неподходящего размера: длинные рукава, и топоршатся борта. Он как будто сейчас спросит: «Куда мне деться в этом январе?», а ты, как и Рогинский, не найдешь, что ответить. И очень хорошо, что Мандельштам стоит на земле (постаменты, они для фигур масштаба Петра и Ленина, которым сам Бог велел «грозить шведу» или указывать светлый путь). Вот такой Мандельштам, невысокий, некрасивый, неспокойный, настоящий.

В Воронеж Осип Эмильевич с женой приезжает в состоянии страшной подавленности. Позади обыски, пятнадцать дней допросов, конвой, Чердынь, где попытка самоубийства закончилась поломанной рукой, «милость» Сталина — возможность выбрать другое место ссылки. А сам Мандельштам понимает, что в этом городе он «должен жить, дыша и большевея». Но дышать — значит творить, и творить не в стол. Как и любой настояший поэт, он панически боялся глухоты. «Мы живем под собою не чуя страны» — это выпад, это реакция на литературную изоляцию, это боль за все те рукописи, которые не увидели читателя. А в Воронеже эта ситуация усугубилась, и заставила кричать: «Читателя! Советчика! Врача!». Воронежская организация Союза писателей с 1936 года в массовой истерии начинает называть Мандельштама «троцкистом» или «классово-враждебным человеком», что лишило поэта не только скромного заработка, но и последней возможности высказаться. С ним старались не связываться: мало ли что. А он продолжал писать, страдая одышкой и психозом:

О этот медленный, одышливый простор! — Я им пресышен до отказа — И отдышавшийся распахнут кругозор — Повязку бы на оба глаза!

И все могло быть гораздо хуже, если бы рядом с Мандельштамом не было любящей и мудрой Наденьки, которую он называл Маманас (наша мама). В 37 году они вернулись в Москву, но через год Мандельштама снова арестовали. Надежда Яковлевна сказала Ахматовой: «Я успокоюсь только тогда, когда узнаю, что он умер». Что вскоре и произошло.

На мой взгляд, человек Мандельштам был неспособен на осознанную, ожесточенную войну с властью. Он будто бы сам не понимал, как родились эти «усиша», «сапожиша». Их создал поэт Мандельштам только потому, что генетически не выносил лжи и несвободы. Надежда Яковлевна писала: «Он, словно выполняя какую-то историческую функцию, невольно навлекал на себя все беды и все удары». И тем органичнее памятник поэту, восторженно выпускаюшему из своей души стихотворения. Вот такой Мандельштам, беззащитный, честный, один из тех, «кому уюта нет, покоя нет».

Валентин Нервин, поэт, член Союза российских писателей

«Это какая улица?..»

Замысловатый все-таки город — Воронеж. Есть в нем улицы Пушкинская, Кольцовская, Никитинская, Платонова... А вот ведь памятник Пушкину поставили почему-то на Плехановской, Кольцову — на Театральной, Никитину — на К. Маркса, Платонову — аж на проспекте Революции. Нобелевского лауреата Бунина подселили, не чинясь, к тов. Орджоникидзе.

И вот — Осип Мандельштам. На улице Ф. Энгельса.

Наверное, ни один из предыдуших памятников не вызвал в городе такого ажиотажа и всплеска эмоций. Оно и понятно: во-первых, само изваяние, напрочь лишенное монументальности, резко контрастирует с привычными уже Кольцовым «имени Дзержинского» и «оловянным солдатиком» (Платонов). Во-вторых, это памятник не просто литератору, а репрессированному поэту-еврею (прецедент!..).

В общих чертах мнения по поводу события, имевшего место второго сентября сего года, можно классифицировать следующим образом.

- 1. У тех, кто впервые узнал о существовании Осипа Эмильевича, памятник вызывает, по большей части, веселое недоумение. При этом имя поэта откладывается в памяти, так что задача-минимум решена и культурологическая функция обеспечена.
- 2. Поверхностно знакомые с творчеством Мандельштама, как правило, возмушаются тем, что поэт изображен без должного величия, в «карикатурном» виде. Весьма вероятно, что у многих представителей этой группы возникнет желание соотнести собственные впечатления с творчеством О. Мандельштама, побольше узнать о его полной превратностей, трагической судьбе.

В этом смысле культурологические перспективы обнадеживают.

- 3. Мнения интеллектуальной (культурной) элиты Воронежа, как и следовало ожидать, разделились:
 - безоговорочное одобрение памятника как такового и факта его установки;
- неоднозначное отношение к установке «специфического» памятника на одной из центральных улиц города;
- принципиально критическая позиция в отношении увековечения памяти О. Мандельштама в Воронеже.

Послужит ли установка памятника консолидирующим фактором для черноземной элиты? — Δa Бог с вами... И улицу Φ . Энгельса в улицу Мандельштама не переименуют. По крайней мере, в обозримом будушем.

Зато всякий приезжий (благо, вокзал неподалеку) сможет теперь остановиться у памятника, почесать в затылке и подумать:

— Замысловатый все-таки город — Воронеж...

Бронислав Табачников, искусствовед, профессор Дни Мандельштама в Воронеже

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме...

Это были редкостные солнечные мгновения. В самом что ни на есть прямом и переносном смысле...

...Начиная с средины 50-х годов, с тех коротких дней хрушевской оттепели, когда стало возможным упоминание фамилии Мандельштама в одном ряду с Ахматовой, Есениным, Набоковым, интерес к творчеству поэта рос очень быстро. В Воронеже, по понятным причинам, тем более. Не многие, но все-таки кое-кто (главным образом посетители довоенных симфонических концертов) помнили чудачества и мытарства этого человека на «воронежских холмах». Надо думать, что именно в конце 50-х — начале 60-х в сердцах людей благородных и благодарных родилась идея памятника страдальцу

в нашем городе Работа по масштабу и разнообразию была проделана в течение полустолетия огромная. И вот 2 сентября 2008 года, ровно в полдень, нам явился ее материализованный результат. Трагически-гротескный монумент работы Лазаря Гадаева обрел свое место в том самом городском уголке, где, быть может, грустил поэт.

...Меня поразила не только самоотверженность и шедрая душевная отдача Олега Ласунского и Галины Умывакиной. В конце концов, это их естественное состояние, что бы они ни делали. На их, главным образом, плечи лег сумасшедший груз тревог и хлопот, связанный с проведением торжеств. Обрадовало другое: чуткость доброй полутысячи людей, пришедших на церемонию открытия памятника. Речи официальных лиц, такие короткие и прочувствованные, мудрые экспромты гостей-литераторов, чтение стихов и звучавшая в парке музыка создавали удивительное настроение негромкой торжественности и высокого достоинства. Меня, скажу честно, переполняла гордость по поводу собственной скромной причастности к такому в высшей степени радостному событию, в голову сами собой приходили тривиальные мысли о превратностях судьбы ПОЭТА, чья жизнь оборвалась так несправедливо — жестоко, и о быстро текушем времени, которое, в конечном счете, всех и вся расставляет по своим местам.

...Блистательный спектакль «МАНДЕЛЬШТАМ» Михаила Бычкова и актеров Камерного театра на высокой и светлой моцартианской ноте завершил этот памятный день в новейшей истории Воронежа.

Вера Теплитская, заслуженная артистка России

Я, прежде всего, очень рада за наш город. Этой благородной акцией Воронеж подтвердил статус культурного центра России, где люди помнят свою историю и умеют ценить подлинное в искусстве, литературе, в человеческих взаимоотношениях. В этих процессах очевидна роль интеллигенции, ее мошное влияние подтверждает мысль о духовной силе меньшинства!

Памятник украсил город и в художественном отношении. Он во многом символичен, говорит не только о поэте, но и о его предназначении. По замыслу автора фигура Мандельштама должна была возвышаться на своеобразных ступенях, которые можно трактовать, как лестницу «наверх»: трепетная и незашишенная от человеческого непонимания фигурка поэта устремлена ввысь. Поэт подчиняет жизнь своему Дару.

 Δ ля людей...

Галина Умывакина, поэт

Торжество воскрешения

В год семидесятилетия мученической гибели Осипа Мандельштама в Воронеже, давшем ему на три ссыльных года «упор насильственной земли», совершилось торжество воскрешения поэта — его возврашение в наш город в бронзе, в рукотворном памятнике.

Еврей по крови, сын библейского народа, рассеянного по многим странам и континентам, художник, вскормленный мировой культурой, он оставил свою «фамилию чортову» как имя одного из крупнейших русских поэтов XX века.

«Непризнанный брат, отшепенец в народной семье», Мандельштам ценой свободы и жизни спасал дух и честь русской поэзии от поругания, от произвола демонической власти и разделил страшную участь огромной многонациональной «семьи народов», став одним из «миллионов убитых задешево».

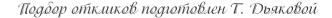
На открытие памятника не смог приехать из Москвы его автор, известный российский скульптор Лазарь Гадаев — осетин, родившийся в год смерти поэта, сын маленького гордого народа, живушего на скудном, зажатом горами, каменистом клочке земли. Многие годы он мечтал о памятнике Осипу Мандельштаму, подступался к нему в рисунках и эскизах, знал «смолу кругового терпенья» и «совестный деготь труда», вынашивая образ страдаюшего, но несломленного человека, думал, как в камне, бронзе или дереве

«навсегда сохранить речь» любимого поэта, передать «выпрямительный вдох», душеспасительное торжество поэтического слова. Смертельно больной, он тревожился о своем желанном детише: на каких камнях и под какими фонарями найдет приют в Воронеже отлитая из бронзы фигура Мандельштама, где должна стоять гранитная глыба с именем поэта, судьбе которого он сострадал. Что-то беззашитное детское было в слабом, почти исчезающем голосе из телефонной трубки... Лазарь Гадаев, наверное, предчувствовал, что стоит на грани иного бытия, что памятник Осипу Мандельштаму – это его последняя работа, его завещание. И все повторял, и повторял с упорством человека, знающего цену чести Мастера: «Я боюсь опозориться»...

Лазарь Гадаев дважды приезжал в Воронеж, я побывала в его мастерской в Москве. Конечно, мы много говорили о памятнике, о стихах Мандельштама. И как-то я спросила напрямую — не коробят ли его, не задевают ли его национальные чувства строки о «кремлевском горце», о «широкой груди осетина». Лазарь посмотрел на меня с укором и ответил: «Вот еше и поэтому я хочу оставить память людям о нем, хочу сделать памятник Мандельштаму. Это мое покаяние. Нужно успеть...».

Отпушенного Лазарю Гадаеву последнего месяца жизни хватило и на памятник, и на юбилейную выставку в Третьяковской галерее, где на самом видном месте стояла одна из его лучших работ — «Воскрешение Лазаря». На церковном отпевании в последней домовине лежал торжествующий художник, исполнивший свое предназначение...

А в Воронеже все сентябри теперь станут Мандельштамовскими. 2-го будем отмечать день рождения памятника, 21-го поминать его создателя. Будем мечтать об улице Мандельштама, думать о его музее, где обязательно найдется место и Лазарю Гадаеву.

Открытие памятника

Проект памятника. Скульптор Л. Гадаев

Открытие памятника. 2 сентября 2008 г.